

Из истории тихвинских монастырей и храмов

1919 год: гонения на Церковь продолжаются

Наступил 1919 год. В Тихвине он начался с того, что 1 января Комиссия по отделению Церкви от государства при Тихвинском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов упразднила Антониево-Дымский монастырь. Настоятель обители игумен Феоктист был отстранен от должности, а все дела и имущество переданы комитету рабочих. С упразднения древней обители данная комиссия приступила к практическому осуществлению декрета об отделении Церкви от государства.

19 января в тихвинской газете «Наш край» опубликовали ее обращение к трудящемуся населению Тихвина и уезда, в котором она просила граждан сохранять полное спокойствие и «не идти на уловку попов, монахов и т. п. элементов». Комиссия заявляла, что Русская Православная Церковь была главной опорой царизма, что она затемняла самыми разными способами народный ум, молилась главным образом за царя и «его прихвостней черносотенцев», а простых людей учила «повиноваться царю-батюшке и свято чтить священство». «Не с верою в Бога и не с святым и идеальнейшим учением Христа боремся мы, — лукавили авторы обращения, — а с той тьмой и суеверием, которые царизм и алчное царское духовенство веками внушало под видом истины в сердца людей».

В конце января за подписью Уполномоченного по проведению декрета об отделении Церкви от государства при Тихвинском Союзе Веселова в газете опубликовали объявление, предписывавшее удалить из официальных учреждений иконы и другие религиозные предметы. Сдать их надлежало в Тихвине в Спасо-Преображенский собор, а в уезде — в приходские церкви «под расписку».

В это же время в городе начала набирать обороты антицерковная пропаганда. Знакомство с публикациями в тихвинской газете «Наш край» за 1919 г. показывает, что она была обдуманной и целенаправленной: в общей сложности опубликовано около 30 статей и заметок, направленных против Церкви. На каждый месяц приходилось по 2-3 своеобразных сообщения с места событий, написанных одним авторским почерком.

Это была самая настоящая травля духовенства. Названия статей говорят сами за себя: «Поповская камаринская», «Чудеса в решете», «Мрачители умов», «Поп-мирод», «Поповские проделки», «Долгогривые не умирают», «Сказ про попа, про народного клопа», «Поп забрался в кооператив» и т.п.

Все эти публикации были направлены на разрушение авторитета Православной Церкви. Духовенство в них ставилось в один ряд с классовыми врагами: буржуазией, дворянами, офицерами и кулаками. Церковь обвиняли в многовековом обмане темного и невежественного народа, а служителей Церкви — во всевозможных грехах.

Смешение достоверной информации с неправдой, привлечение внимания к определенным фактам, их искажение или преувеличение, преподнесение информации под определенным углом зрения, ссылка на «достоверные источники» являются известными приемами пропаганды. При грамотной подаче фактов люди будут делать именно те выводы, на которые и рассчитывает обманщик-пропагандист.

Так, в одной статье приводился абсурдный пример жадности священника, который якобы пришивал к своей рясе карман, в котором помещалась мера ржи (больше, чем трехлитровая банка — прим. автора), а во время церковных праздников он наполнял этот карман медью и серебром, от чего тот у него и «приборвался», а из всех форточек его длинной рясы вылезали и выглядывали «Николаевские» деньги. Преувеличение здесь не заметить невозможно, но, как говорится, для достижения нужного результата все средства хороши.

В другой статье описывалась несправедная жизнь одного иеромонаха. Он предстает перед читателем воровом, обманщиком и блудником. И только в самом конце заметки есть слова: «...просим Вас, Исполнительный комитет, послать контроль или поверить (проверить — прим. автора), правда ли это...». То есть автор широко разглашает информацию, не зная, насколько она правдива. Как похоже это на те приемы информационной войны, которые мы наблюдаем и сегодня на страницах печати или в социальных сетях: все равно — был факт или его не было, главное — замарать человека подозрениями.

На руку пропагандистам были и редкие случаи снятия священного сана отдельными священниками, о чем тоже не забывали со-

общить в печати. Так, в марте в газете появилась заметка под названием «Лучше поздно, чем никогда», в которой священник села Никола Деревской волости А.Светлов заявляет, что всей душой стремится «на встречу идее коммунизма и грядущей всемирной революции», поэтому снимает с себя сан, не желая больше служить церкви. Такие случаи были единичными, большинство священнослужителей осталось до конца своих дней верными Христу и Церкви, несмотря на гонения и преследования.

Серьезный удар по вере нанесли публикации в местной прессе о результатах вскрытия мощей. Мощи — останки людей, причисленных после смерти к лику святых — священные реликвии, которые, как и иконы, почитаются. В то время в народе бытовало мнение, что мощи — это обязательно нетленные тела, что является большой ошибкой. Используя это суеверие, власти решили «разоблачить» обман и провести повсеместные показательные вскрытия мощей во всероссийском масштабе. Первое постановление об организованном вскрытии, инспекции и конфискации святых мощей принял Наркомат юстиции 3 (16) февраля 1919 года. О тех случаях, где на месте мощей обнаруживали лишь костные или другие останки, широко рассказывалось и писалось — например, заметки «Мощи», «Еще мощи» в тихвинской газете «Наш край». Когда же обнаруживались полностью нетленные мощи, об этом предпочитали умалчивать или нетленные объявлялись следствием естественной мумификации.

Безусловно, эта хорошо продуманная пропагандистская кампания имела определенный результат: сомневающиеся и мало верующие люди отошли от Церкви. Но немало еще оставалось и истинно верующих, веру которых это кощунство не поколебало.

Жизнь в тихвинских монастырях, полностью лишенных собственности и средств к существованию, была крайне тяжелой. Об этом свидетельствуют строки из письма настоятеля Богородичного Успенского монастыря архимандрита Антония от 26 февраля 1919 года: «Наша жизнь ужасная и неутешная: помимо всех стеснений, лишений грядет смертоносный голод. Дело, кажется, клонится к тому, что всю братию лишат всякого довольствия и помещения. Мы вынуждены принять все горькие последствия сего. Тихвинский край в катастрофическом положении по продовольствию. Здешние комиссары настаивают, чтобы монастыри уничтожить и образовать приходы... Братия меня не оставляет и помогает мне, но и ей трудно: питание — капуста и хлеб. Картофеля с ноября не видели».

К тому времени на базе Успенского монастыря уже создали совхоз. Об этом мы узнаем из газеты «Наш край». Некий тихвинский гражданин Ив.Степанов (имя, скорее всего, вымышленное) 25 февраля 1919 года, почему-то от имени монастыря, обращается в Исполнительный комитет при Тихвинском Союзе: «Тихвинский Большой монастырь просит Исполнительный комитет навести проверку или контроль на советское хозяйство при Тихвинском Большом монастыре. Так как вновь поступивший заведывающий хозяйством В.Тютрюмов не знаком хорошо с насельниками монастыря, то по какой-то рекомендации избрал себе помощником иером. о. Клавдия, не узнавши, какого он поведения и честности» (орфография сохранена — прим. автора).

1 апреля 1919 года объявили советским и хозяйство Антониево-Дымского монастыря. Бывших монахов, которые были в состоянии трудиться, зачислили в рабочие совхоза. Председателем рабочего комитета избрали бывшего настоятеля монастыря игумена Феоктиста, который принял от комитета в свое ведение «денежную сумму и прочее», а казначеем назначен иеродиакон Киприан.

Следует заметить, что впоследствии, весной 1923 года, бывший игумен Дымского монастыря Феоктист Кириллович Еремичев будет назначен заведующим в племхоз «Коровино» Белозерского уезда Череповецкой

Д. Моор. Кто против Советов. Плакат 1919 года.

губернии. «Феоктист Еремичев уже вполне зарекомендовал себя толковым хозяином. Еще будучи в Дымском совхозе он сумел поставить совхоз образцово... Советская власть в данном случае берет его, как толкового, разумного и умелого хозяина... Феоктист Еремичев сумел стряхнуть с себя образ трутня-паразита. И пусть он работает. В желании трудиться никому отказа нет», — писала на нем Череповецкая газета «Коммунист».

А в 1919 году игумен Феоктист умело руководил советским хозяйством, созданным на базе обители. Братия монастыря, которая в силу своего возраста и состояния здоровья не могла работать, была зачислена в приют престарелых, организованный там же, при совхозе Антониево-Дымского монастыря. Несмотря на упразднение обители, церковная служба в ней совершалась ежедневно.

В мае 1919 года настоятель Успенского монастыря архимандрит Антоний представил в уездный совет описание имущества всех храмов обители на 20 листах. Этим он фактически сдавал советской власти дела монастыря: после передачи документов потребовали сдать и монастырскую печать. Здания монастыря окончательно перешли к уездному жилищному отделу, у которого монахи теперь «должны были арендовать собственные здания. Отобрав у монастыря почти все имущество и деньги, власти, казалось, обрекали живущих в нем на голодную смерть, но монахи не покинули родную обитель».

Реквизированные у Успенского монастыря Казенные кельи решено было отдать под краеведческий музей, в который бы передавались архивы и материальные ценности монастырей Тихвинского уезда. Весной 1919 года в помещении будущего музея побывал историк И.П.Мордвинов, записавший впечатления от увиденного в своем дневнике:

«Зашли в музей. Там делается что-то ужасное: всюду, начиная с коридора, раскиданы книги по грязным полам. Это валяется библиотека Дурново. Около стен по полу же груды образов, портретов, картин. Тут вся коллекция Буткевича... В музее огромное богатство, с которым бессильны справиться ничемные сотрудники...»

Открытие Тихвинского межрайонного краеведческого музея состоялось летом — 23 июня 1919 года. Видимо, к тому времени успели привести его в относительный порядок.

Дальнейшие события в Тихвине летом 1919 года вновь помогают воссоздать дневниковые записи Исаакия Петровича:

«14 июля. Понедельник. Рассказывают, что Беседный монастырь сплошь занят служащими Мурманской дороги; выкиданы какие-то полки и бумаги. Монахов нет. На большой дороге найден чей-то труп вблизи города». «13 августа. Среда. Кругом большая смертность. <...> Некому, говорят, петь панихиды; все попы лежат».

«14 августа. Четверг. Сегодня должен был идти крестный ход. Он, действительно, проходил мимо... Говорят, был весьма печален; шел только один поп Яков, произнес лишь на Безместных трогательную речь, от которой народ плакал; подчеркивал общее рав-

Литография. Вид св. Антония Дымского монастыря.

нодушие к вере и церкви, указывал, что раньше народ шел в процессии тысячами, а теперь — только десятками. Николай Богословский, говорят, ушел из города куда-то пешком, а остальные попы больны».

Несмотря на то, что, казалось бы, из тихвинских монастырей все уже было отобрано еще весной, обыски не прекращались и глубокой осенью: «У архимандрита был обыск. Обстукали все помещение, искали чего-то замурованного».

А вот что писал сам архимандрит Антоний в письме митрополиту Арсению (Стандицкому). Из письма от 14 (27) ноября 1919 г.: «Заведующим хозяйством (прежним монастырским, а теперь советским) назначен о. Клавдий, а братия ютится в качестве рабочих, но накормлены и в теплых помещениях, а одежды и обуви не найти... Своих трудовых братских артелей не организовать — староваты, да и трусы, а молодые отобраны на войну, и положение монастырское грустное. Вокруг везде начинается голод, и что только будет?... Грустно за Православие у нас. Старушка-игуменья Введенского монастыря еще жива».

Следует сказать, что советская власть не решила сразу отменить церковные праздники, многие из них оставались красными днями календаря. В 1919 году помимо советских праздников и траурных дней, которые были объявлены нерабочими: Новый год, Расстрел Петроградских рабочих, Низвержение самодержавия, День Парижской коммуны, День Пролетарской революции, — отмечались и были выходными днями Рождество Христово (2 дня), Крещение, Благовещение, Пасха (3 дня), Духов день, Вознесение, Преображение, Успение Богородицы.

День памяти одного из самых любимых в России святых — Николая Чудотворца, празднуемый 6 (19 декабря), в 1919 году красным цветом уже не был отмечен. Но многие верующие, привыкшие за многие годы к тому, что этот день нерабочий, на работу не вышли. Спустя несколько дней Ленин даст особоуполномоченному Совету обороны А.В.Эйдуку письменное распоряжение: «...мириться с «Николой» глупо, надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы».

Таким образом, гонения на Церковь, начавшиеся с приходом большевиков к власти, в 1919 году только усилились.

Светлана Старшина.